

Трансформация сюжета о сотворении человека в лирике Б.Л. Пастернака и А.А. Тарковского

Transformation of the plot about the creation of man in the lyrics by B.L. Pasternak and A.A. Tarkovsky

Казмирчук О.Ю.

Канд. филол. наук, доцент, ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва

e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Kazmirchuk O.Yu.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow

e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются и сопоставляются стихотворения Б.Л. Пастернака и А.А. Тарковского, в которых переосмыслиется (трансформируется) библейский сюжет о создании человека. Оба поэта пишут о появлении человека особого, способного понять мир природы, способного творить. Принципиальное сходство предложенных авторами интерпретаций свидетельствует о родстве их художественных универсумов.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, «Летний день», А.А. Тарковский, «К стихам», тема творчества.

Abstract

The article analyzes and compares the poems by B.L. Pasternak and A.A. Tarkovsky, in which the biblical story of the creation of man is reinterpreted (transformed). Both poets write about the emergence of a special kind of human being who can understand the natural world and create. The fundamental similarities in the interpretations proposed by the authors indicate the kinship of their artistic universes.

Keywords: B.L. Pasternak, «Summer Day», A.A. Tarkovsky, «To the Poems», the theme of creativity

Вопрос о сходстве (родстве) поэтического мышления Б.Л. Пастернака и А.А. Тарковского неоднократно обсуждался литературоведами. Так уже в первых работах, посвящённых исследованию лирики А.А. Тарковского, отмечалось, что поэтика Пастернака повлияла на становление его художественной манеры [7, с. 122; 10, с. 70], сравнение двух поэтических парадигм продолжается и в XXI в. [1, с. 82–83, 87; 8, с. 13]. Не претендуя на полномасштабное сопоставление, хотелось бы поговорить о том, как два поэта интерпретируют «вечный» сюжет о сотворении человека, для этого сравним пастернаковское стихотворение «Летний день» (1942 г.) и стихотворение А. Тарковского «К стихам» (1960 г.).

Стихотворение Б.Л. Пастернака «Летний день» открывает поэтический цикл «Переделкино», написанный в 1940–1942 гг. (особая значимость этого стихотворения подчеркивается на композиционном уровне, текст вынесен в начало цикла, а именно эта позиция традиционно считается семантически выделенной [12, с. 80–81]). Обращаясь к непосредственному анализу «Летнего дня», нужно отметить, что уже в 1-ой строфе происходит осязаемое тематическое расширение, обыденная ситуация превращается в некий сакральный, космогонический акт, привычные всем огородникам весенние костры уподобляются языческим алтарям: «У нас весною до зари / Костры на огороде, / Языческие

алтари / На пире плодородья» [5, с. 22] (это уподобление подробно охарактеризовано в статье Н.М. Девятовой [2, с. 55]).

Привлекает внимание и парадоксальное соединение в пастернаковском тексте двух времен года, весны и лета. Стихотворение, названное «Летний день», начинается с упоминания весны, тогда как далее доминируют тема лета и мотив летнего зноя (а тема весны сохраняет свою актуальность в контексте поэтического цикла в целом [3, с. 203]). В данном случае важен следующий факт: мотив летней жары становится центральным, «системообразующим» мотивом стихотворения «Летний день» [3, с. 199].

В 3-ей строфе появляется лирический герой: «Я за работой земляной / С себя рубашку скину, / И в спину мне ударит зной / И обожжет, как глину» [5, с. 22]. Летний зной изменяет лирического героя, и эти изменения описываются дважды, в 3-ей и 4-ой строфах: «Я стану, где сильней припек, / И там, глаза зажмуря, / Покроюсь с головы до ног / Горшечною глазурью» [5, с. 22]. Подобное двукратное описание контакта лирического героя с солнцем свидетельствует о значимости данного процесса. Жара заново создает героя, его загар сравнивается с обжигом глины (это сравнение также повторяется дважды). Очевидно, сравнение с глиной («подчеркнутое», «удвоенное») призвано напоминать об акте творения первого человека. Так простая, обыденная ситуация (работа в огороде под палящим солнцем) трактуется Пастернаком как антропогоническое действо.

В пастернаковском стихотворении процесс сотворения лирического героя продолжает ночь (в соответствии с библейским сюжетом первый человек создавался также в течение суток): «А ночь войдет в мой мезонин / И, высунувшись в сени, / Меня наполнит, как кувшин, / Водой и сиренью» [5, с. 22]. Здесь необходимо отметить пространственные изменения: действие переносится с улицы в дом. Привлекает внимание и непрерывность процесса сотворения: лирический герой сначала сравнивается с обожжённой глиной, потом – с кувшином, наполняемым водой. И если солнце формирует внешний облик лирического героя, то ночь позволяет герою вобрать в себя природный мир. Завершив процесс сотворения человека, ночь передает власть над ним земной женщине: «Она отмоет верхний слой / С похолодевших стенок / И даст какой-нибудь одной / Из здешних уроженок» [5, с. 22].

Показательно: из последней строфы «Летнего дня» исчезает такая поэтическая фигура как сравнение, тем самым демонстрируется полное слияние героя с окружающим его миром. И если ранее лирический герой уподоблялся различным элементам предметного мира (глиняный горшок, кувшин), то в финальной строфе «преображенный» герой отождествляется с живой природой: «И распутившийся побег / Потянется к свободе, / Устраиваясь на ночлег / На крашенном комод» [5, с. 22]. Кроме того, в финале стихотворения в очередной раз сближаются, объединяются различные начала (большое и малое, космическое и бытовое – «свобода» и «крашенный комод»). Итак, в стихотворении «Летний день» Б.Л. Пастернак описывает процесс преобразования человека природным миром (летним зноем и летней ночью). Изменения, происходящие с лирическим героем стихотворения, представляются Пастернаку столь значительными, что это «преобразование» уподобляется акту творения первого человека. «Обновленный», заново «сотворенный» герой (в пастернаковском стихотворении совмещаются мотивы сотворения и преобразования) сначала обретает возможность вмещать в себя целый мир, а впоследствии отождествляется с самой природой. Характерно и то, что акт преобразования лирического героя совершается в подчеркнуто сниженной, бытовой обстановке: пространство дачного огорода, мезонин, сени, крашенный комод.

Завершая анализ пастернаковского стихотворения «Летний день», стоит ещё раз напомнить о знаковом положении данного текста в композиции цикла «Переделкино». «Летний день», стихотворение о сотворении (преображении) лирического героя, – это первое стихотворение цикла. В соответствии с традицией построения поэтических циклов, все последующие стихотворения так или иначе «учитывают» содержание предыдущих текстов, и все стихотворения из цикла «Переделкино» рассказывают о том, как общается с миром природы герой, способный стать частью этого мира.

Рассмотрев, как архетипический мотив сотворения человека обыгрывается (трансформируется) в пастернаковском стихотворении «Летний день», обратимся к лирике А.А. Тарковского. В качестве исследуемого материала возьмем написанное в 1960 г. стихотворение, озаглавленное «К стихам», этот текст вошел в первую изданную поэтическую книгу А. Тарковского «Перед снегом» (в этой книге были собраны тексты, написанные с 1941 по 1962, о сложной истории публикации книги см. подробнее [1, с. 72–73, 75, 83; 11, с. 184, 253, 286, 414]). Само название произведения, «К стихам», свидетельствует о том, что перед нами своеобразный метатекст (т.е. стихотворение о стихотворении). Тема стихосложения и шире, тема творчества, – важнейшие темы А.А. Тарковского [4, с. 66, 68–69; 6, с. 10–37; 13, с. 10, 16], и неслучайно выбранный нами текст – один из первых в книге, издания которой автор ждал почти двадцать лет.

Текст начинается с развёрнутого обращения лирического героя к своим стихам: «Стихи мои, мои наследники, / Душеприказчики, истцы. / Молчаливники и собеседники, / Смиренники и гордецы!» [9, с. 64]. Это обращение представляет собой развернутую характеристику стихов, а предложенная характеристика в свою очередь является перечислением противоречащих друг другу категорий (так Тарковский обыгрывает идею о сложной природе творчества).

В следующей строфе характеристика стихов сменяется самохарактеристикой лирического героя, герой метафорически описывает собственное рождение: «Я сам без роду и без племени, / И чудом вырос из-под рук, / Едва меня лопата времени / Швырнула на гончарный круг» [9, с. 64]. И здесь, как и у Пастернака, сотворение лирического героя уподобляется изготовлению гончарного изделия [6, с. 110, 150; 13, с. 14], благодаря чему вновь актуализируется сюжет о сотворении первого человека. Но если в пастернаковском стихотворении «Летний день» изменения, происходившие с лирическим героем, мотивировались вмешательством природных сил и имели бытовое объяснение (солнечный загар), то у А. Тарковского сотворение человека подается как следствие деятельности стихии времени (ср. метафору «лопата времени», о ней убедительно размышляет Т.В. Лапутина [4, с. 66]).

Далее в стихотворении Тарковского подробно описывается процесс сотворения лирического героя. Несмотря на обилие бытовых деталей, характеризующих особенности работы гончара, речь здесь идет о сотворении человека, способного к творчеству: «Мне вытянули горло длинное, / И выкрутили душу мне...» [9, с. 64] (мотив вытянутого горла, соотносящейся с представлением о глиняном сосуде, имплицитно содержит и тему пения). Примечательно, что создающую его силу герой А. Тарковского не называет, но говорит о ней во множественном числе.

Следующая стихотворная строфа начинается с соединительного союза «и», что свидетельствует о непрерывности описываемого процесса: теперь лирический герой обретает способность к самостоятельным действиям («И я раздвинул жар берёзовый, / Как заповедал Даниил, / Благословил закал свой розовый, / И как пророк заговорил» [9, с. 64]). Здесь сюжет о сотворении человека трансформируется в иной сюжет: мучительные испытания, сквозь которые нужно пройти для того, чтобы обрести дар пророка. А. Тарковский обыгрывает библейскую историю о том, как три отрока, товарищи пророка Даниила, не отказались от веры и были брошены в горячую печь, но остались живы (так в тексте появляется наиважнейшая для Тарковского тема преодоления смерти, о различных способах интерпретации этой темы см. в следующих работах [1, с. 74, 80–81, 83–84, 86; 6, с. 86–87, 97, 176, 236–237, 245–246; 8, с. 12; 11, с. 48–49, 192; 13, с. 13, 15]). Прикосновение к стихии огня и преодоление смерти превращают лирического героя А. Тарковского в пророка (об особенностях трансформации этого библейского сюжета А. Тарковским в см. в монографии Н. Резниченко [6, с. 150]).

Однако мотив обретения героем пророческого дара не становится завершением текста. Текст заканчивается так же, как и начинался – обращением к стихам: «Скупой, охряной, неприкаянной / Я долго был землёй, а вы / Упали мне на грудь нечаянно / Из клювов птиц, из глаз травы» [9, с. 64]. В финальной строфе слово «стихи» уже не произносится, но

местоимение «вы» легко «расшифровывается» благодаря названию стихотворения и контексту первого четверостишия. Подобное «неназывание», вероятно, обусловлено тем, что стихи предстают у Тарковского частью мира природы, они созданы самой природой (среди указанных поэтом «природных» компонентов стоит выделить мотив травы, обладающей в художественном универсуме Тарковского особой семантической значимостью, трава – первооснова жизни, первооснова творчества [1, с. 14, 18–19, 37, 40, 60–62, 73, 81; 6, с. 37–39, 41–44]).

Как мы видели, оба поэта, и Б.Л. Пастернак, и А.А. Тарковский, обыгрывают архетипический сюжет о сотворении человека из глины. И в том, и в другом тексте процесс сотворения человека уподобляется гончарному ремеслу, но, тем не менее трактовки этого действия у Пастернака и Тарковского несколько различаются.

В стихотворении Б.Л. Пастернака сотворение лирического героя точнее можно было бы назвать преобразованием: силы природы (летнее солнце, а потом ночь) изменяют, преобразуют героя. Характерно и то, что сама ситуация представлена как нечто обыденное, она имеет вполне реалистическую мотивировку (герой загорает под жарким солнцем). В стихотворении А. Тарковского мотив сотворения человека – это результат деятельности стихии времени, чем подчеркивается глобальность описываемого события (хотя А. Тарковский, как и Пастернак, активно использует «непоэтическую» лексику, приближающуюся к сфере терминологии).

Несколько отличаются и «сотворенные» таким образом герои. Лирический герой Б. Пастернака в финале становится частью природы (ср. образ распустившегося побега), а в стихотворении А. Тарковского речь идет о сотворении поэта (эта идея заявлена уже в самом названии, «К стихам»). Кроме того, герой-поэт А. Тарковского уподобляется пророку, что сближает стихотворение Тарковского с пушкинской интерпретацией темы поэта-пророка (о том, насколько значим для Тарковского художественный опыт Пушкина см. у Н. Резниченко [6, с. 68, 159, 165, 187–188, 191–202]).

Размышления о поэте и о поэзии являются важнейшей темой А.А. Тарковского, но та же самая проблематика свойственна и творчеству Б.Л. Пастернака. В этом контексте хотелось бы акцентировать следующий момент: лирический герой пастернаковского стихотворения «Летний день» не назван поэтом, но во всем «переделкинском» цикле рассказывается о творческом потенциале природы, которой и стремится подражать лирический герой [3, с. 203]. Финал стихотворения А.А. Тарковского по сути своей приближается к пастернаковской интерпретации проблематики сотворения: и у Тарковского процесс «появления» поэта немислим без вмешательства природных сил. И Б. Пастернак, и А. Тарковский обыгрывают библейский сюжет о сотворении человека (библейские коннотации в обоих стихотворениях очевидны) в соответствии с собственными художественными установками. Выявленные в процессе сопоставительного анализа текстов сходства и различия в интерпретации «вечных» сюжетов позволяют еще раз задуматься о своеобразии художественных парадигм каждого из авторов.

Литература

1. Анализ одного стихотворения: «Книга травы» Арсения Тарковского: коллективная монография. М: Эдитус, 2025.
2. Девятова Н.М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. №2 (46). – С. 48–58.
3. Казмирчук О.Ю. Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино» // Новый филологический вестник. 2021. №1(56). – С. 197–206.
4. Лапутина Т.В. Особенности индивидуально-поэтической сочетаемости лексических средств в метафоре Арсения Тарковского // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам международной научной конференции. Том I, часть 2. М.: МГПУ, 2014. – С. 64–69.
5. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти томах. Т. 2. М.: Худож. лит. 1989.

6. Резниченко Н.А. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – Киев, 2014.
7. Рунин Б. Власть слова // Вопросы литературы. 1967. № 5. – С. 118–131.
8. Столяров О.О. Библейская символика в творчестве Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Тарковского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2006.
9. Тарковский А.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1991.
10. Чупринин С.И. Крупным планом. М.: Советский писатель, 1983.
11. Филимонов В.П. Арсений Тарковский: Человек уходящего лета. М.: Молодая гвардия, 2015.
12. Фоменко И.В. Циклизация как типологическая черта лирики Б.Л. Пастернака // Пастернаковские чтения: Материалы межвузовской конференции. Пермь, 1990. – С. 78–84.
13. Царева О.А. Поэтический мир Арсения Тарковского: основы субъектной организации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ярославль, 2024.